

Мы мило попрощались, и она очень попросила при случае обязательно звонить и заходить, обещала познакомить меня со своими членами семьи. Я ничего конкретного не сказал, мне было очень грустно. Больше не было подобных встреч, хотя в Рязань после этого я заезжал неоднократно по совместным работам с одним из научно-исследовательских институтов (НИИ ГРП). Сейчас понимаю, что был неправ, заходить надо было обязательно.

9. ПОИСК ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПРОДОЛЖЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

После окончания семи классов встал вопрос о продолжении моего образования. А учиться мне хотелось и лучше бы в средней школе, и родители это знали. Правда, окончательно я тогда с моей будущей специальностью все еще не определился. Тем не менее мать и отец, как я позже понял, неоднократно думали о моей судьбе, взвешивая наши семейные материальные возможности. Наконец, когда дома были все, родители собрали семейный совет по данному вопросу. Отец сказал, что вот Анатолий хочет учиться дальше, в средней школе, но ведь Клавдия и Валентина тоже еще учатся в средней школе, и им надо ее закончить, а мы должны, естественно, снимать им жилье и платить за него. И по нашим неоднократным раскладкам нет у семьи средств на обучение Анатолия в школе; мы просто еще такую нагрузку не потянем. Значит тебе, Анатолий, следует поступать в какой-то по твоему выбору техникум. Там платят стипендию, дают продовольственные карточки, будет дешевое, а возможно, бесплатное общежитие. Это все в совокупности станет нам большим подспорьем. Конечно, мы будем тебе по возможности помогать, но в основном продовольствием со своего домашнего подворья. Ты определяйся со специальностью и начинай готовиться к экзаменам. Парень ты деревенский, работать начал рано, многое умеешь и знаешь, уже достаточно самостоятельный. Думаем, что ты найдешь способы иногда подрабатывать. Старайся учиться хорошо, так как знания обязательно в жизни когда-то пригодятся. Гулянками и пьянками не увлекайся, это всегда приводит к плохим результатам. Закончишь техникум и получишь специальность, начнешь работать по ней. Далее сориентируешься и определишься, то ли выбрал на перспективу. Езжай предварительно в Рязань, чтобы на месте ознакомиться со всеми техникумами, экзаменами и конкурсами. Мне возразить что-либо родителям было нечего, и я полностью с ними согласился, понимая сложившуюся ситуацию.

Просмотрев в клубе подшивку областных газет, я узнал, что в Рязани есть три техникума: художественный, сельскохозяйственный и железнодорожный. Недалеко от города в совхозе Варские имеется и ветеринарный техникум. Поэтому через несколько дней я собрался, а родители дали денег на билеты для проезда по железной дороге до Рязани и обратно. С собой взял заплечную сумку с домашней едой на двое суток, ибо без карточек продукты в магазинах тогда не

продавали. (Колхозникам продовольственные карточки не выдавали, их получал только отец, отоваривал на работе и приносил продукты домой.) В три часа утра я пошел на станцию Пилево, находящуюся от нас на расстоянии 15 километров, чтобы первый раз в жизни проехать 125 километров по узкоколейной железной дороге до Рязани. На станции находилось около 10 человек. Три молодых парня сели рядом и стали обсуждать предстоящую поездку до Рязани. Один из них сказал, что он ездил неделю назад и что пассажиров было столько, что пришлось ехать на крыше вагона даже тем, у кого были билеты. Они договорились сразу залезть на крышу и потому билетов не брать. Я подключился к разговору и рассказал, что еду поездом в Рязань в первый раз и что денег у меня очень мало и попросил – не возьмут ли они и меня с собой на крышу. Они согласились принять меня в компанию и предупредили, чтобы я не отставал от них и вместе с ними втискивался в тамбур общего вагона, который они выберут. Было немного боязно, но я решил рискнуть. При остановке поезда увидел битком забитые людьми тамбуры и много сидящих людей на крышах вагонов, а потому на душе стало спокойнее. Ребята в темпе сориентировались, в какой тамбур надо проталкиваться и, помогая друг другу и мне, стали теснить и утрамбовывать в нем пассажиров. Как только мы оказались в тамбуре, сразу еще во время стоянки полезли по очереди на крышу. (На узкоколейке каждый вагон имел с обоих торцов открытые тамбуры, а из каждого тамбура проходила дверь в вагон. Переход между вагонами не огораживался, как это имеет место на широкой колее, поэтому из тамбура было просто залезть на крышу при наличии силы в руках.) Ребята примостили меня около вентиляционной трубы и сказали, чтобы я держался за нее. Сами сели рядом. Паровоз засвистел, и поезд тронулся. Я вцепился в спасительную трубу, но вскоре понял, что и без нее со слабопокатой крыши свалиться нельзя. Некоторые даже спали. И вообще, в хороший солнечный день сидеть на крыше, озирая сверху местность и населенные пункты, даже приятно. Так первый раз в жизни я добрался до Рязани «на халяву», сэкономив деньги и получив наглядный пример борьбы за существование в то далекое трудное время. Поезд Тума–Рязань (пристань) ходил тогда один раз в сутки со средней скоростью 30 километров в час и преодолевал все расстояние за четыре часа. Но это был уже не тот поезд начала 1930-х годов, описанный К. Г. Паустовским в [4]: «...я пересел на поезд узкоколейки времен Стефенсона. Паровоз, похожий на самовар, свистел детским фальцетом... На закруглениях он кряхтел и останавливался. Пассажиры выходили покурить... Изредка в пути с площадки начинали вылетать мешки, корзины, плотничьи пилы, а за вещами выскакивал и их обладатель, нередко довольно древняя старуха...». Теперешние паровоз и вагоны были уже современнее. Но до Рязани-то поезд не доходил, а останавливался за два километра от нее на берегу Оки, так как мост через реку отсутствовал. Наводили ежедневно на 1–2 часа пешеходно-автомобильный понтонный мост (плашкоут), через который и следовало идти. Иногда у моста приходилось ждать до часа, пока его разводили для пропуска скопившихся на воде судов с грузами. Была возможность немного путь

сократить или не ждать наведения моста, если около железнодорожной станции переправиться на лодке на противоположный берег Оки, но за плату.

Добравшись в середине дня до Рязани, я узнал, где находятся художественный, железнодорожный и сельскохозяйственный техникумы, и направился сначала в художественный. От секретаря я получил всю исчерпывающую информацию, необходимую для абитуриентов. Конкурс у них в прошлом году составлял 2,5 человека на место, обучение – четырехгодичное, стипендия наименьшая среди техникумов, общежитие есть, но его предоставляют только после двух успешных лет обучения. Поэтому надо снимать на два года частное жилье. Она провела меня также в зал с выставленными избранными творениями учащихся техникума. Картины я с удовольствием и завистью просмотрел, отметив художественное достоинство многих из них, и показал ей два своих альбома с карандашными и акварельными рисунками, спросив, какова вероятность поступить мне к ним на учебу. Секретарь провела меня к заместителю директора по учебной части, который посмотрел мои рисунки и отметки в свидетельстве об окончании семилетки и сказал, что касательно рисования меня однозначно примут в техникум, но ведь надо еще успешно сдать все экзамены. Кроме того, он порекомендовал за оставшееся до экзаменов время добавить к копиям картин еще 4–6 местных пейзажей (деревня, река, лес), выполненных цветными карандашами и акварелью.

После этого я зашел в сельскохозяйственный техникум, благо он находился недалеко от художественного. Ни одна из получаемых в нем специальностей меня не устраивала. Осталось посетить Рязанский техникум железнодорожного транспорта, но время приближалось к 18 часам, и я пошел искать пристанище на ночь в Рязанском доме колхозника. Были тогда в городах и такие «гостиницы» специально для непритязательных жителей деревень, приезжавших в город по какой-либо надобности и задерживающихся здесь на одни или более суток. Обычно в таких домах в один или два этажа имелись комнаты с 20–30 выставленными в несколько рядов койками-раскладушками. Если коек не хватало, в ночлеге все равно никому не отказывали и ставили между койками или в коридоре еще раскладушки. Хорошо, что о колхозниках заботились хоть таким образом. Меня тут тоже приняли за самую малую плату, указав койку в большой комнате. Закрепив место, я пошел с рюкзаком побродить по Рязани. Вернувшись, лег, не раздеваясь, но практически всю ночь не спал из-за непрерывного хождения и разговоров, да еще опасался кражи содержимого своей сумки, которую положил под подушку, а ботинки – под матрац со стороны головы.

На другой день утром я пошел на центральный базар, чтобы проверить свою версию о возможности приработка за продажу моих «картин», которые я стану рисовать во время учебы в техникуме. Увы! Реальность меня сильно разочаровала и огорчила. Действительно, на базаре предлагалось немало разных картин, в том числе профессиональных художников и самодельных с примитивными лебедями на пруду. Но покупателей изопродукции практически не было. Поговорил с хорошими (с моей точки зрения) специалистами и услышал ответы

в основном такого содержания. Сейчас в голодное послевоенное время (1946 г.) люди думают не о картинах, а как выжить и приобрести побольше и подешевле съестного. Поэтому из «картин» покупают только тривиальных «лебедей» на клеенке, чтобы закрыть ею осыпавшуюся штукатурку на стене или дыру в ней.

После этого я пошел в железнодорожный техникум. Здесь все условия значительно отличались в лучшую сторону. Это объяснялось тем, что министерство путей сообщения и все, что относилось к нему, продолжало находиться на военном положении. Стипендия здесь была максимальной, да еще бесплатное общежитие, бесплатный проезд в жестких вагонах (при предъявлении студенческого удостоверения), продовольственные карточки, квалифицированный офицерский преподавательский персонал, обязательная практика на железной дороге, хорошо оборудованные лаборатории и мастерские для прохождения практики; кроме того, обещали выдать студентам форменную железнодорожную одежду. Выпускникам присваивали звание «техник-лейтенант пути и строительства», они должны быть широко образованными и, кроме теоретических дисциплин, практически знать еще специальности каменщика, штукатурка и маляра, плотника и столяра, слесаря и кузнеца, и т. д. Привлекательным для молодых ребят являлось и ношение в будущем красивой офицерской формы. К сожалению, в то время тут не готовили специалистов более подходящих для меня специальностей, связанных хотя бы с электрификацией и автоматизацией железных дорог, радиосвязью (позже кадры по таким специальностям стали выпускать). Я все эти сведения письменно зафиксировал, но решил в данный техникум все же не поступать, хотя некоторые сомнения остались. А в ветеринарный техникум я уже и не поехал.

Возвращаясь домой со значительно опустевшей сумкой, я уже как старожил сразу легко залез на крышу поезда. Дома обо всем увиденном и услышанном рассказал родителям и объявил, что хочу все же попробовать учиться в художественном техникуме, авось два года как-нибудь без общежития продержусь, так как начну подрабатывать, возможно, даже дворником. Родители повздыхали и согласились с этим, обещав максимально денежно и продовольственно помогать. Правда, отец раза два пытался мне доказать, что строитель – наиболее почетная и престижная специальность, ссылаясь при этом на одного выходца из нашей деревни, который был инженером-строителем и работал в Москве, периодически приезжая в отпуск в село в дорогой одежде и всегда при деньгах. Но я настоял на своем. Я опять начал выходить на колхозные работы, тем не менее, находил время и на природе стал набрасывать пейзажи цветными карандашами, а дома некоторые из них рисовал акварелью. Повторять школьные программы я не стал, считая себя достаточно подготовленным.

В начале августа 1946 года я собрался во второй раз в Рязань, окончательно решив поступать в художественный техникум (в нем экзамены принимались раньше, чем в других, а абитуриенты жили в это время в общежитии), надеясь, что при отличной сдаче экзаменов мне с учетом трудных материальных обстоя-

тельств дадут в порядке исключения общежитие сразу с первого курса, а не с третьего. Хотел об этом поговорить после экзаменов (если сдам их по задуманному варианту) с руководством техникума, дать обещание бесплатно убираться в общежитии или работать дворником. При неудаче же с общежитием планировал поискать наиболее дешевое жилье или тоже оказывать там какую-то помощь хозяевам. Подспудно же я имел в виду и некоторую тренировку в сдаче экзаменов, если затем их придется сдавать и в железнодорожном техникуме, ибо, по слухам, там требования были строже. Кроме того, туда был большой конкурс, так как в этот техникум намеревалось поступать много демобилизованных из армии, которых когда-то призвали во время войны с первых курсов разных учебных заведений. Эти абитуриенты принимались вне конкурса при положительных оценках по всем экзаменам.

Сложив в заплечную сумку максимальное количество домашних продуктов (картошка, крахмал, сухари, соленое сало, сушеная рыба), учебники и рюкзаки, я отправился в путь. Билет в вагон взял только до ближайшей станции, чтобы проводник пустил в вагон, так как сумка оказалась достаточно тяжелой, на крышу влезть без помощи кого-то было затруднительно. В вагоне быстро нашел такого же, как я, и мы, способствуя друг другу, забрались на крышу. В Рязани после оформления всех процедур для допуска к экзаменам мне дали место в комнате на четверых проживающих. Все экзамены я сдал на «отлично» (русский язык, математику письменно и устно, историю), прошел удачно соответствующее собеседование с обсуждением моих рисунков и копий с некоторых картин известных художников, поговорили также почему-то о моих других увлечениях (радиолобительство, геология), и меня зачислили на учебу. Однако поход мой к директору техникума закончился полной неудачей. Он категорически отказал в общежитии на первые два года учебы, даже при моем обещании бесплатно делать все виды ремонта зданий техникума или другие работы. Попытки затем найти приемлемое даже по самым скромным бытовым условиям и по обговоренной с родителями стоимости жилье не увенчались успехом. Подобное можно было снять только в деревне около Рязани, но это было неудобно для учебы. Зашел я и к очень дальним родственникам на улице Октября – семье Кати Гришаковой. Их адрес мне дала мать, сказав, что у них очень тесно (5 человек в одной комнате) и потому о проживании там не может быть и речи, но зайти и познакомиться с ними надо, так как они единственные близкие люди, которые при необходимости могут чем-то помочь. Встретили Гришаковы меня хорошо, я рассказал о всех своих родственниках в деревне, зачем я приехал в Рязань, но о жилье речи и не заводил, увидев их трудные коммунальные условия. Когда через сутки я пошел забирать документы из техникума, в первую очередь свидетельство об окончании семилетки, то вернули их мне с трудом, сказав, что я зачислен на чье-то конкурсное место и потому кого-то достойного они не приняли на учебу. Я же знал по опыту прошлых лет, что зачисление проведено с некоторым запасом на отсеив учащихся по разным причинам в течение двух последующих курсов. С на-

жимом на это мне удалось заполучить обратно документы и даже копию листа с экзаменационными оценками.

Теперь ничего не оставалось, как идти сдавать документы в железнодорожный техникум, где мне выдали справку о допуске к экзаменам, но оценки за только что сданные экзамены не зачли. Сказали, что здесь другие требования и еще дополнительно надо сдавать экзамен по физике. Так как оставалось семь дней до начала вступительных испытаний, то я возвратился домой, тем более что закончились домашние продукты. Я рассказал родителям о попытке закрепиться в художественном техникуме и о вынужденной подаче документов в железнодорожный техникум. Они промолчали, но по их лицам я понял, что они довольны так сложившимися обстоятельствами. Дня через три отец стал опять объяснять мне, что строительная специальность очень хорошо оплачивается, она востребована сейчас везде, так как в стране после войны нужно восстанавливать в течение десятков лет промышленные и жилые здания и, естественно, строить новые города, заводы и железнодорожные линии. Поэтому строители всегда заработают себе и семье на хлеб, а быть руководителем на стройках очень хорошо хотя бы потому, что там ты много будешь находиться на свежем воздухе в отличие от пребывания в атмосфере пропахшей красками «рисовальни» (так выразился отец). А меня уже и не следовало уговаривать, так как я смирился с таким поворотом судьбы. В поступлении в техникум я был почему-то уверен. Тем не менее, решил за эти дни повторить кое-что из учебников, в первую очередь по физике.

Пятнадцатого августа я, загрузившись продуктами и уже без альбомов, отправился в Рязань. В техникуме мне выдали пропуск для прохода в учебное здание, общежитие и столовую, сообщили уточненное расписание экзаменов и группу, в которую я зачислен. Накануне каждого экзамена проводились консультации по данному предмету, но абитуриентов интересовало в основном, что было трудным в прошлом году. Приятным явилось и то, что в столовой техникума были сравнительно дешевые горячие завтраки и обеды, в основном – картофельное пюре или пшенная каша, овощной суп или щи, конечно, все без хлеба и без «б/ж», что в меню означало без каких-либо жиров, мяса или рыбы. (В художественном техникуме столовая не работала.)

Я на обед брал из своих съестных запасов 2–3 сухаря и кусочек свиного сала. Однажды произошел со мной в столовой из-за деревенской неграмотности такой казус. В конце экзаменов я прочитал в не очень разборчиво написанном меню «суп овощной с кабанчиками» и тут же заказал его, решив, что напоследок здесь решили накормить абитуриентов супом со свиным мясом, причем без талончика из продовольственной карточки, которые нам не давали до официального зачисления на учебу. Взяв тарелку с супом в раздаточной, я не обнаружил в супе каких-либо признаков мяса и не увидел на поверхности блесков от жира. Возмущенный, я вернулся с тарелкой в раздаточную и потребовал положить мне в суп мясо. Там сначала не могли понять моих претензий, а когда я сказал, что заказал суп с «кабанчиком», то обе поварахи, посмотрев друг на друга, потом

вдруг так рассмеялись, что одна из них рухнула от смеха на прилавок. Я стоял ошарашенный и растерянный, пока одна из раздатчиц не пришла в себя и не объяснила мне, деревенщине, что суп не с «кабанчиками», а с кабачками. А это две огромные разницы, ибо «кабанчик» – это свинья, а кабачок – это овощ типа тыквы, и у меня в тарелке кусочки кабачка есть. Я же и не слышал о таком овоще, так как в деревне у нас его не выращивали.

Экзамены я сдал хорошо, точно оценок не помню, но, судя по конкурсу 2,8 человека на место на строительную специальность, которая считалась более престижной, чем путейская, они были, наверное, отличные.

Запомнилось непонятное мне до сих пор происшествие во время этих экзаменов. Так как здание общежития ремонтировалось, то абитуриентов разместили в полуподвальных комнатах с арочными сводами по 15–20 человек в каждой. Окна с улицы были зарешечены металлическими прутьями, кроме узких проемов для форточек. Но однажды ночью кто-то все-таки проник в нашу комнату и перетряхнул вещи каждого, в том числе лежащие под подушками у некоторых особо опасующихся воровства абитуриентов. Искали и забрали в первую очередь деньги (у меня тоже нашли одну из двух зачек), у некоторых – и приличную одежду. Утром, проснувшись, все увидели разбросанные по полу личные вещи и отсутствие кое-каких из них. Руководство техникума и сотрудники милиции не могли понять, как при запертой изнутри двери и таких маленьких форточках воры сюда проникли, как смогли они вынести так много одежды, почему не проснулся никто из 20 человек, ибо для обшаривания понадобилось не менее 30 минут, тем более что наверняка был какой-то шум и включались электрические фонарики. Предположили даже, что кто-то из проживающих являлся сообщником воров, и потому каждого из нас допрашивали по 2–3 раза, заставляли вспомнить и изложить письменно поведение сотоварищей в прошедшие сутки. Но ничего так и не выяснили. В конце концов, решили, что через форточку в нашу комнату впустили какое-то усыпляющее вещество, затем через нее влез ребенок и открыл дверь для взрослых, которые в противогазах или защитных масках и произвели «шмон». Ни воров, ни пропавших вещей милиция так и не нашла, а, вероятно, в те времена и не искала.

10. СТУДЕНТ РЯЗАНСКОГО ТЕХНИКУМА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

С 1 сентября 1946 года начался незабываемый для меня период четырехгодичного обучения в Рязанском техникуме железнодорожного транспорта. В этот год набирали по четыре группы студентов – на строительное (куда попал и я и считавшееся более престижным) и путейское отделения. В нашей группе было в первые два года 29 мальчиков, 17 человек были жителями Рязани. В конце успешной учебы мы получили в 1950 году звание и специальность «техник-лейтенант